

I

не знаю, в чём ты себя ограничивал: в любви или в одной ложке сахара в чай. не переживай, конечно, это не будет хронически, хотя, умоляю, не бросайся из крайности в край.

ты ещё нужен кому-то настоящий определённо, со своею глупой улыбкой, немного изнеможённый, даже глубоко, как тебе кажется, равнодушный. успокойся, эта детская наивность пока простительна, простительно, что ты безрассудный.

закаляйся, дорогой мой, временем, которого и так не хватает. обращайся с ним, как Иисус с Иудой, будь с ним, прошу тебя, трепетней. в конечном итоге оно тебя забудет, сотрёт, как хозяйственная мать стирает пыль с полки, выбросит на растерзание Бесконечности, а твоё тело будут ласкать посмертные доски.

а пока ты не превратился в перегнутой, пока тебя не сорвали с клумбы, обещаю тебе, что этот текст станет для тебя отправной

*той самой
точкой.*

II

зудящие движения серой жидкости так или иначе вынуждают ощущать хоть раз, мягко говоря, странные мысли и остатки животной дикости, а после привыкаешь, смирясь. перестаёшь бороться, принимаешь себя всецело, не деля на два: ведь, собственно, какая разница, если понимаешь себя едва?

и даже карманные демоны, воюющие во зги, листают Коран, Библию и Трипитаку, чтобы понять сущность, понять человеческие душу и мозги. а за сим бросаются в ничего, представляя из себя последнюю шавку, крича папе-дьяволу: «Пожалуйста, спаси!».

пытаясь постичь своих братьев меньших, ангелы, прячась в ризах, казулах и на небе в иерархических кругах, ночью не задувают звёзды и в храмах свечи, а приняв грех, лежат либо в конвульсиях, либо в спасительных мольбах.

сестры Мойры отказались от вышивания и отравились в ждущий всех Питер, убрав из человеческого кода различные оковные предсказания, стерев запятые, точки и мест смерти литер, прописав: «Санта Муэрте сможет сам».

тем временем ты отправляешься космическую пыль вытрясти из ковров
и из брэнной оболочки. вместо пера – стекло, которым на ней нервным курсивом напишешь самые
важные строчки: «Обиженное свободой существо
нуждается в любви и понимании.
P. S.
чертовски».

III

разрисованные красивыми словами листы летят в камин,
на которых чаще всего пустота горит последней.
после броска должен сказать: «Devil, dear, please, come in»,
но не сможешь – молчишь до окончания ступней
и жизни,
как наивный мальчишка, что будто постоянно один,
постоянно лишний.
а мог бы...

хотя знаешь, Вася, или любое другое имя, никогда ничего никому ты не должен. и пойми, дорогой,
это основа, константа, что древнее Рима,
даже если от этого мы в углу нервно гложем, наблюдая за мазутным облаком через измызганное
стекло, которое то ли вены, то ли остатки Солнца режет.
и ты, бедняжка-поэтик, знаешь, что слово – ком, вызывающий фонтанирующий душевный скрежет,
потом – отдышка, отсутствие сердцебиения... и в итоге стихи пишет не человек, а нежить.
но пойми же, пойми, что даже этот, свесивший ноги понимает:
всё от любви.

И всё
для
неё
же.

IV

хруст пальцев, стук клавиш, смог, витающий в облаках однушки под потолком, где каждый уже не
прав, где каждый уже не смог молчать о своём больном, потому что человек – дурак, оклеветавший
себя нулём. потому что так проще жить, не сражаясь и не борясь. научиться лишь только б выть
и выходить, когда Луна покажется в последний раз.

а кто-то из храма вон бежит в опустевший лес, где призраки без имён волочат могильный крест. и
курит, смотря вперёд, сминая траву и боль в трясущемся кулаке и завещая: «Коль и сейчас не смог,
попробую и смогу теперь». и, бросив бычок в закат, бежит сквозь ветки, малу, сшибая ночную тишь,
садится на берегу, колышет морскую гладь и медленно, будто вновь, идёт по воде домой.

а ты, одинокий мой, продолжай отрицать чудеса, продолжай говорить, что, мол, я большой и всё
это ерунда...
...дурачок...

V

ну, привет, мои милые твари беспросветной внутренней мглы. я скучал по вам, честно. вы ждали?
нацепите, прошу, кандалы. я уже совсем не ребёнок – вместо ваз разбиваю сердца. усмирите мой
след воронёный, всё равно – любая не та.

та – что в голове убийственна вместо рака; пятая стадия – петля из ландышей. из её любимых
цветов. потому что под рёбрами, кстати, вместо бабочек сотни опарышей, а над ними – миллионы
швов.

ну что, мои дорогие, любимые твари, почему лишь сегодня аншлаг? приходите в каждом кошмаре, чтобы не видеть последний шаг, после которого только горечь, шире душевная бездна и тоска. поймите, я тоже утопленник, пусть и не в море, а новое лезвие – вместо смычка...

VI

выжми меня,
как мокрую тряпку,
а после, если хочешь, –
бросай.

ты будешь гулять
по мокрому парку,
где каждый второй –
бонсай.

где вместо листвы жалкие листочки с глупостями о любви, где под корой либо боль, либо горечь, но ты, прошу, не беги. вчитывайся, прикасайся, чувствуй, считай шаги...

один, два...

в памяти шумят вечера на какой-нибудь шаткой крыше, где теперь и не ты, и не я, где отныне намного тише, где не слышен ни смех, ни взмах голубиных широких крыльев, под которые кружили вальс, поднимаясь немного выше.

...двадцать четыре, двадцать пять...

ночь. мостовая площадь, вымощенная бесконечным счастьем наших прогулок, на которой ты, наверное, заговором погоде рот заткнула, ведь совершенно никакого морского оскала, ветряного гула.

лишь.

только.

ты.

...сорок девять, пятьдесят...

въезжая в меня любовь, как конский волос... «Пожалуйста, не трогай, не вытаскивай», – рыдающе сообщает тебе некогда знакомый голос, который не может правильно решить: выпилиться или хотя бы попробовать дальше жить?

...семьдесят шесть, семьдесят семь...

проведу по груди там, где бегут сейчас мурашки, там, где должна быть душа. я не Прометей и печень склевали не орлы, а алкогольные пташки, вероятно, и другие внутренности круша. но, наверное, оставят чёртово сердце, ведь тебя вместе с ним и не вывести, и не срезать.

...девяносто девять, сто.

выжми меня,
мокрую тряпку.